

Секция «Психологическое состояние общества и власти как фактор устойчивого политического развития»

Конструирование идентичности в структурах политики памяти

Научный руководитель – Пономарев Алексей Михайлович

Рубцова Валентина Юрьевна

Аспирант

Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

E-mail: povelitel.kotov@gmail.com

Понятия «политика памяти» и «историческая политика» в некоторых источниках отождествляются. Но несмотря на сходства истории и коллективной памяти еще М. Хальбвакс отмечает, что история - это картина изменений, а коллективная память - картина сходств [6]. История и коллективная память обращают внимание на разные свойства одного объекта, поскольку цель коллективной памяти - сохранение идентичности, а цель истории - фиксирование изменений.

Пьер Нора также обращает внимание на это различие, он разделяет память на «истинную» память и «память-историю» [4]. В ситуации памяти прошлое неотличимо от настоящего, остается в настоящем и не воспринимается как прошлое. Как только происходят изменения, исчезает идентичность. Он утверждает, что мы навсегда оторваны от традиции, и именно поэтому она стала таинственной, значимой, наполненной смыслом, который нужно истолковать [5].

Историческая политика так или иначе откликается на политическую реальность. Государство поддерживает интерпретации социальной реальности, отвечающие интересам правящей элиты. Однако даже таким образом проводимая политика создает пространство для других интерпретаций. Историческая политика является частью символической политики, которая представляет собой, по П. Бурдьё в прочтении О. Малиновой, «деятельность политических акторов, направленную на производство и продвижение / навязывание определенных способов интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих» [3]. Доминирующие способы являются доминирующими, но не единственными.

В отличие от исторической политики, которая нацелена исключительно на легитимацию существующей власти, политика памяти удовлетворяет потребность в идентичности, может проводиться негосударственными агентами. Так, с конца 1970-х годов исторические сообщества начали обнародовать места нацистского прошлого в Германии. Они осудили «забытые концентрационные лагеря», распространенные по ФРГ, которые использовались во время учений по применению слезоточивого газа [8]. В данном случае, через отношение в настоящем к «неприемлемым» практикам освоения исторических мест строится идентичность с нацистским прошлым.

Идентичность формируется также через соотнесение с героическим прошлым. Сначала мы называем действие героическим, затем строим определение героизма. Если мы признаем Ирину Сендлер, которая спасла еврейских детей от Холокоста во время Второй мировой войны, героем, мы должны понимать героизм как бескорыстную защиту невинных от насилия [7].

Формирование идентичности происходит и в рамках исторической политики. О. Малиновой было проведено исследование ежегодных посланий президентов Российской Федерации методами контент-анализа и дискурс-анализа [2]. Были выделены следующие категории: прошлое как пример, которому нужно следовать; прошлое как фон, оттеняющий достижения настоящего; преемственность прошлого и настоящего. Легитимация власти

нуждается в существовании определенных опор. Две из описанных О. Малиновой категорий - «прошлое как пример» и «преемственность», - имеют в своем итоге конструирование идентичности.

В результате исследования оказалось, что внимание уделяется репрезентациям новейшей истории, объектом критики выступают конкретные исторические события, тогда как положительные моменты в истории носят обобщенный характер. Политическая реальность «размытых ориентиров» сформирована в условиях существующих коллективных представлений о прошлом, «героическая» составляющая которого носит общемировую значимость, отмечается недостаток локальных событий, которые могут послужить ориентиром для исторической политики. Однако историческая политика опирается на существующие представления и не стремится их менять, не расширяет репертуар событий прошлого, на которые можно опираться. Коллективная память воспроизводит себя, то есть функциональная память остается функциональной в терминологии А. Ассман, накопительная память не используется.

Функциональная память испытывает «дефицит места», так как вся информация не может транслироваться СМИ, учреждениями культуры и образования. Но именно воспроизведение информации формирует представления общества о самом себе. Это приводит к тому, что на основе представлений об обществе данная информация постоянно актуализируется, медиаторы получают новые прочтения. А. Ассман отмечает, что процесс перехода функциональной памяти в накопительную, и наоборот, возможен, и связан с интересом и восприятием «получателей» информации [1].

В данной работе политика памяти понимается как более широкое понятие, объединяющее «историческую политику» и «политику памяти», и означает рациональное действие в сфере истории. За счет того, что накопительная память не используется, коллективная идентичность строится на репрезентации настоящего, на той функциональной памяти, которая актуализируется постоянно. Обращение к накопительной памяти возможно, но не вследствие проводимой исторической политики, а благодаря интересу «снизу», сформированному локально.

Источники и литература

- 1) Ассман, А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / Алейда Ассман; пер. с нем. Бориса Хлебникова - М.: Новое литературное обозрение, 2014. - 328 с.
- 2) Малинова, О. Ю. Использование прошлого в российской официальной исторической политике (на примере анализа ежегодных президентских посланий) Историческая политика в XXI веке: Сборник статей. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 648 с. – с. 368-389.
- 3) Малинова, О. Ю. Конструирование макроскопической идентичности в постсоветской России: символическая политика в трансформирующейся публичной сфере // Политическая экспертиза. 2010. Т. 6, № 1. С. 5-28.
- 4) Нора, П, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. - СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999, с. 17-50.
- 5) Нора, П. Всемирное торжество памяти. Неприкосновенный запас, 2005. №2-3.
- 6) Хальбакс, М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2/3.
- 7) Patryk Wawrzyński. The Past, Polish Politics of Memory, and Stereotyping: an intercultural perspective, p. 1-23.

- 8) Cornelia Siebeck. From Counter-Hegemonic Projects to State-Sponsored Institutions: Memorial Sites to the Nazi Crimes and The Politics of Memory in the Federal Republic of Germany. *The journal of social policy studies*. p. 261-272.